

Осенний ветер колыхал тени деревьев, в дворике царила тишина. Юнь Мэнцзэ внимательно всматривался в снимок:

— Разве это не я?

— Угу, — сдержанно отозвался Фэн Дунъюэ. — Похоже, ты и впрямь на редкость схож с его «белым лунным светом».

Хотя в его голосе не прозвучало эмоциональных всплесков, Юнь Мэнцзэ понял: тот шутит.

— Наверное, какая-то путаница, — пробормотал Юнь Мэнцзэ, убирая фотографию в карман.

Фэн Дунъюэ ничего не ответил. Лишь кивнул в сторону Зоны А и пошёл прочь. Юнь Мэнцзэ уже тоже собирался вернуться в общежитие, но не успел сделать и шага, как Фэн Дунъюэ окликнул его.

— Господин Фэн, что-то ещё? — обернулся врач.

— Забыл пожелать тебе спокойной ночи, — Фэн Дунъюэ неподвижно стоял спиной к фонарю. — Спокойной ночи, доктор. Добрых снов.

Юнь Мэнцзэ мягко улыбнулся:

— Спокойной ночи.

Он прибрался в кабинете, разобрал отчёты и бумаги и только после этого отправился к себе. Уже в постели, готовясь ко сну, достал снимок. Юнь Мэнцзэ вспомнил, как пару дней назад видел, будто Фэн Дунъюэ выпросил что-то у медсестры и спрятал в карман. Теперь стало ясно: это и была та самая фотография.

Кадр из первого выпуска шоу «Звёздная дедукция». Темой тогда выбрали «Городские легенды» с элементами Лавкрафтовских ужасов, чем до смерти напугали гостей, впервые попавших на подобный проект.

Юнь Мэнцзэ играл бармана в уютном кабачке. Стоял за мягко освещённой стойкой в белоснежной рубашке, чёрном жилете и с аккуратным галстуком-бабочкой. Весь выпуск он только и делал, что разливал напитки, протирал бокалы да вёл неспешные беседы с игроками, забредавшими в его заведение, снабжая их зацепками.

Для него это был первый опыт съёмок, и он ощутимо нервничал. Из-за этого на снимке у него был слегка юный, неопытный вид.

Вспоминая съёмки, Юнь Мэнцзэ невольно улыбнулся. Он зашёл на официальную страничку «Звёздной дедукции» в Вейбо, чтобы посмотреть промо-снимки, и наткнулся на горячую перепалку в комментариях под своим собственным постом о психиатрии.

Какой-то прохожий написал под его просветительской записью: «Обычно у самих психиатров с башкой не всё в порядке. И чем нормальнее выглядит доктор вроде этого Юня, тем тяжелее шиза. Не верите — гляньте на Старика Фэна».

Кто-то счёл это шуткой, кто-то требовал забанить автора за бестактность, но активнее всех в споре отрывались три свежесозданных аккаунта:

Фэн Сиюэ: «Старик съел твоих родственников, что ли? Да если Юнь Мэнцзэ решит сожрать человека, я сам к нему на тарелку лягу!»

Фэн Наньюэ: «Заткнись! Ты хоть знаешь, как доктор Юнь выкладывается? Видел хоть раз, чтобы столь красивый человек так пахал?!»

Фэн Бэйюэ: «Доктор Юнь — самый терпеливый и добрый врач из всех, кого я встречал! Если он чем и болен, то только неизлечимым желанием помогать больным!»

Юнь Мэнцзэ: «...»

И вот это — его так называемый «компромат» в сети? Юнь Мэнцзэ не удержался от смешка: до чего же ребяческая и упрямая защита. Похоже, очередной «игрок-завоеватель» разыгрывал из себя богатого мажора и пытался устроить драму в духе «Заменитель любви у богатого босса». Вот только, судя по фотографии, и «заменителем», и «белым лунным светом» был один и тот же человек — сам Юнь Мэнцзэ.

Впрочем, раз уж очередного «игрока» успешно отвадили, не стоило забивать этим голову. Юнь Мэнцзэ положил фотографию на тумбочку и закрыл глаза.

На следующее утро Юнь Мэнцзэ пришёл в главный корпус и застал дежурных медсестёр в полном унынии:

— Что случилось, ангелочки? Вас старшая отчитала?

— Да нет, — вздохнула одна. — Просто господин Фэн снова стал жутко холодным и отстранённым. Ещё и велел убрать всё развлекательное оборудование. Такая тоска...

Юнь Мэнцзэ усмехнулся:

— Это же здорово! Значит, к пациенту вернулся рассудок, вам радоваться надо.

— Эх, — подхватила другая, — а ведь ещё вчера господин Фэн был таким обаятельным и остроумным! Учил нас флиртовать, играть в гольф, объяснял правила всех азартных игр в казино... Улёт просто! А сегодня раз — и опять словно в каменный век вернулись. Мы просто не успели перестроиться.

С этими словами она с ностальгией выудила из кармана фишку. Когда Фэн Дунъюэ учил их играть, он щедро раздал каждой по фишке номиналом в тысячу юаней — хоть на память оставляй, хоть в его заведениях отоваривай.

Юнь Мэнцзэ покачал головой:

— Вот уж точно: от бедности к роскоши привыкнуть легко, а вот обратно — попробуй-ка. Прекратите меркантильные капризы, милые дамы, и уделите немного внимания другим пациентам.

Девушки дружно расхохотались, заявляя, что дело вовсе не в деньгах, а в эстетике! В наши дни в моде разный тип мужчин: «агрессивный волчонок» — это горячий красавчик с характером; «молочный щёнок» — послушный красавчик; «тёплый дядечка» — заботливый зрелый красавчик; а «властный босс» — это безумно богатый красавчик.

Типы разные, но объединяет их одно — они все *красавчики*. Стоит убрать из уравнения внешность, как «волчонок» превращается в обычного хама и абьюзера, «молочный щёнок» — в серого тюфяка, «тёплый дядечка» — в сопливого душниту, а «властный босс» без красоты становится банальным нуворишем.

Так что внешность определяет всё. И медсёстры дарили бы Фэн Дунъюэ свою заботу, даже будь он нищим.

— Покорно склоняюсь перед вашей мудростью, — с искренним уважением откланялся Юнь Мэнцзэ.

Этим утром на сеанс разговорной терапии к нему пришёл Гуань Тун. Пациент выбрал себе палату в зефирно-розовых тонах, уселся на подоконник, игриво поправляя свои два хвостика, и весь лучился романтическим трепетом в ожидании «принца».

— Доктор Юнь! — едва заведя врача, Гуань Тун слетел с подоконника и подбежал, вцепившись в его руку. — Вы ведь смотрели запись нашего спектакля? Ну как я сыграл? Хорошо? Пойдёмте тоже посмотрим, ага?

Юнь Мэнцзэ как раз собирался обсудить с ним психодраму. Заметив такой энтузиазм, он улыбнулся:

— Мы с режиссёром Баем всё изучили. Но мне хотелось бы сперва услышать твои собственные впечатления и мысли о процессе.

Гуань Тун сам сочинил сценарий под названием «Ах, я так популярна, просто спасу нет!». Его персональная коронная фраза, повторявшаяся раз за разом, звучала так: «Перестаньте из-за меня драться, ну пазязя!». Кроме того, он снабдил каждого персонажа примечаниями, добавив к базовым настройкам Юнь Мэнцзэ щедрую порцию марисуэзного бреда:

Чжан Хуаньу досталась роль капитана баскетбольной команды по прозвищу «Сердцеед ста девиц» — как на паркете, так и среди одноклассниц он пользовался оглушительной популярностью;

Дин Юй играл холодного эрудита-недотрогу, «Мечту тысячи женщин». Несмотря на бешеный успех у девушек, тот сох только по учёбе, и даже уединялся исключительно со сборником тестов для поступающих в вузы;

Школьный идол Е Чжэнь считался роковым красавцем. Из-за своей неземной внешности он то и дело подвергался домогательствам на улицах, отчего был вынужден носить плюшевую маску Кумамона, скрывая лицо.

Вдобавок к ним шли хулиган Цинь Шаньсюэ и друг детства Сун Луоин. И всех этих парней объединяло одно — безумная, фанатичная любовь к главной героине, Гуань Туну.

Роль несчастной старшеклассницы, которая прыгает с крыши из-за школьной травли, досталась Сяо-Ай — робот-кукле второго молодого господина Суна. И реакция участников на эту сцену оказалась весьма специфической.

Комната психологического интерактивного моделирования могла не только воссоздавать сложнейшие декорации, но и менять внешность участников через специальные браслеты-коннекторы: причёску, одежду, черты лица и фигуру. Правда, во время психодрамы Юнь Мэнцзэ запрещал им менять лица, позволяя лишь подгонять параметры под образ.

Чжан Хуаньу, обряженный по требованию сценария в баскетбольную форму, молча снял спортивные шорты и накрыл ими «лицо» погибшей Сяо-Ай; Сун Луоин бился в истерике и орал, что это заговор против него; Цинь Шаньсюэ, игравший хулигана, без лишних слов ввязался в драку с Чжаном Хуаньу, а Гуань Тун стоял в стороне, махал ручками и размазывал фальшивые слёзы: «Ну перестаньте драться, агась!».

Не считая честно отыгравшего свою роль Е Чжэня и Дин Юя, весь спектакль смотревшего в потолок, представление превратилось в полнейший фарс. Режиссёр Бай во время просмотра хохотал как безумный, а вот Юнь Мэнцзэ было не до смеха. За этим шутовским фасадом

кроется множество глубоких проблем. Особенно у Гуань Туна.

— По-моему, я выложился на все сто и сыграл блестяще! — «скромно» отозвался Гуань Тун. — А вот остальные подвели. Чжан Хуанью и Сун Луоин вообще плевали на сценарий, Е Чжэнь был пресным — даже Дин Юй в роли холодного ботаника смотрелся убедительнее. Ах да, а почему сестрёнка Шаньсюэ играла парня? Хотя... в мужском образе она такая лапочка!

— Ты действительно отлично справился, — похвалил его Юнь Мэнцзэ и затем мягко спросил: — Скажи, а почему ты прописал детальные характеры абсолютно всем, кроме себя?

По сути, Гуань Тун вообще никак не обозначил личность своего персонажа, но при этом ни на секунду не выходил из роли.

— А зачем мне что-то прописывать? — Гуань Тун наивно склонил голову набок, и в его взгляде фальши было больше, чем тонального крема на щеках. — Эта героиня — вылитая я! Милая, добрая старшеклассница, хи-хи!

Юнь Мэнцзэ не увидел в его глазах ни единой искры искренности. Он не стал давить, расспросил о самочувствии и завершил сеанс.

— Доктор Юнь, а проводите меня до палаты, а? — Гуань Тун дёрнул врача за рукав. — Мне так не нравится эта новая медсестричка.

— Хорошо, — Юнь Мэнцзэ пошёл с ним в Зону А. — А чем же тебе не угодила медсестра Чжун?

— Ой, да она вечно шепчет что-то себе под нос, трусиха ужасная! Чуть что — сразу в слёзы. Плачет и ухаживает за больными, даже пикнуть боится! — Гуань Тун поправил юбку и прошептал: — Только доктору Юню не говорите, ладно? Терпеть не могу таких размазней и жертв по жизни!

Юнь Мэнцзэ терпеливо выслушивал его язвительные речи о «беспомощности» Чжун Мянь, пока его взгляд скользил по жутковатым, глубоким шрамам на запястьях парня.

Когда они вышли из лифта, глаза Гуань Туна внезапно вспыхнули:

— Ва-а-ай! Сестрёнка, какое у тебя обалденное платье!

Юнь Мэнцзэ поднял глаза. По коридору черепашьям шагом плелась Фэн Сяовэй, и на её лице застыло выражение глубочайшей тоски. Но стоило ей увидеть своего кумира, как тучи мгновенно рассеялись.

— Доктор Юнь! — пылко поздоровалась она и тут же повернулась к Гуань Туну: — Спасибо!

Твой наряд тоже миленький.

— Правда? — Гуань Тун застенчиво покраснел. — А какого цвета и фасона трусики под него подобрала, агась?

Вопрос звучал безумно «джентльменски», но, учитывая, что перед ней стоял пациент психиатрии, Фэн Сяовэй проявила максимальное понимание:

— Да я особо не заморачиваюсь над сочетанием белья и платьев. Что из шкафа вытащу, то и надеваю.

— И я тоже! Мы с тобой прямо простые девчонки-пацанки! — хрюкнул от смеха Гуань Тун. — А скажи, что за тон помады? Тебе так идёт, кожа прямо фарфоровая! Я тоже такую хочу-у-у!

Сидевшая перед ней «девушка» выглядела лет на семнадцать-восемнадцать: юная, свежая... И бог весть, что за недуг запер её в клинике. Ни по магазинам пройтись, ни в путешествие рвануть, ни с подружками погулять — сидит тут в четырёх стенах, и в голове одна бельевая тема. Бедняжка.

Фэн Сяовэй сунула руку в сумочку, выудила оттуда тюбик люксовой помады и вложила в ладонку Гуань Туна:

— Этот тон вечно разбирают, его фиг достанешь. У меня дома ещё парочка запасена. Держи, я ей всего два раза красилась, надеюсь, не брезгуешь?

Гуань Тун распахнул глаза от изумления:

— Сестрёнка, ты что, фея?! Спасибочки-и-и!

Фэн Сяовэй мягко улыбнулась:

— Да не за что.

— Ну, я побежала! Пока, феечка! Доктор Юнь, чмок-чмок! — Гуань Тун помахал им ручкой, но едва отвернулся, как его милое личико исказилось сарказмом: «Богатые дурочки такие наивные. Пару комплиментов отвесил — и уже растаяла. Хех...».

Когда парень ушёл, Юнь Мэнцзэ повернулся к Фэн Сяовэй:

— Навестить господина Фэна пришла?

— Эх, а куда деваться? Я у него единственная родная душа. Если заброшу, он совсем в одинокого старикашку превратится, — Сяовэй закатила глаза. — Хотя, к счастью, тут можно встретить вас, доктор Юнь!

«Я у него единственная родная душа» — Юнь Мэнцзэ уже слышал точно такую же фразу от самого Фэн Дунъюэ. Дядя и племянница вечно цапались, едва сойдясь вместе, но в глубине души оставались друг для друга самыми близкими людьми. Настоящие родственники: характеры разные, а упёртость и заскоки — один в один.

Пока они шли по коридору, Фэн Сяовэй внезапно замерла и ткнула пальцем вперёд:

— Что за странный тип?

Впереди стоял мужчина в тёмных очках и защитной маске. Он нервно потирал шею и то и дело взъерошивал волосы. Юнь Мэнцзэ подошёл к нему:

— Е Чжэнь, ты что здесь делаешь? Сейчас время прогулки, шёл бы на свежий воздух.

Е Чжэнь выдернул пару густых чёрных волосков и кивнул на дверь палаты Фэн Дунъюэ:

— Ты к нему?

Юнь Мэнцзэ подтвердил:

— А что-то случилось?

— Я... — Е Чжэнь уже узнал от остальных историю с Шэнь Сяньчжэ. Он хотел поблагодарить Фэн Дунъюэ, но не знал, как подступиться: всё-таки влиятельный покровитель заступился за доктора вовсе не ради него, и лезть с благодарностями казалось глупо. Помявшись, он понизил голос: — Раньше я всё неправильно понял. Господин Фэн совсем не такой, как Шэнь Сяньчжэ. Он относится к тебе со всей серьёзностью. Береги его.

Юнь Мэнцзэ из последних сил удержал на лице вежливую улыбку и быстро позвал медсестру, чтобы та увела Е Чжэня. Повернувшись к Фэн Сяовэй, чтобы пригласить её войти, он застал девушку в полном оцепенении.

Врач уже собрался объяснить, что произошла нелепая ошибка, как в глазах Фэн Сяовэй заблестели слёзы:

— Неужели... у меня теперь будет тётушка?!

<http://bllate.org/book/20119/1991977>